

БУХ Владимир Федорович (7 февраля 1935 – 16 сентября 2013 гг.)

Мы часто носим в себе слова благодарности, уважения, восхищения, произнесение которых вслух постоянно переносим на завтра, на послезавтра, на потом... Мы с головой погружены в текучку дел и событий. У нас постоянно не хватает времени просто посидеть и, никуда не торопясь, поговорить с интересным человеком о чем-то совсем отвлеченном от каждодневной суеты, но крайне важном, сущностном... Мы все время куда-то спешим. Постоянно откладываем встречи, и некоторые из них уже никогда не произойдут. Я давным-давно запланировал встретиться с Владимиром Федоровичем и обстоятельно, под запись – дабы не позабыть чего-то важного – порасспрашивать его о жизни, о воспоминаниях, об оценках людей и событий. Но все время вмешивались какие-то «важные» дела – то одно, то другое...

Я так и не спросил у Владимира Федоровича, почему он выбрал профессию архитектора. Что подтолкнуло простого деревенского парнишку из села Путиловичи Лугинского района Житомирской области к выбору столь высокоинтеллектуальной, изысканной специальности. Может быть, свою роль сыграли события из глубокого детства, о которых он однажды (совершенно по иному поводу) рассказывал на вечере в Союзе архитекторов, посвященном годовщине Великой Отечественной?

Родное Володино село на Украине оказалось в зоне немецкой оккупации. Шестилетним малышом он оказался в чужом, враждебном окружении. Чтобы помешать наступлению врага, советские войска при отступлении взорвали то ли металлические, то ли железобетонные фермы железнодорожного моста через речку, протекавшую по окраине Володино селения. Наверное, предполагалось, что восстановление моста займет у противника длительное время, так как замена искореженных конструкций одного (или двух) центральных пролетов в условиях военного времени – при отсутствии металла (бетона) и специалистов-мостостроителей – окажется делом очень непростым... В действительности оно оказалось очень простым и невероятно быстрым: немцы подогнали к взорванному пути, нависшему над водой, железнодорожную платформу с краном и еще какими-то механизмами и вбили в дно реки деревянные сваи, вырубленные в ближайшем лесу. Сделав по ним бревенчатую обвязку, скрепленную металлическими скобами, и проложив рельсовый путь, они уже на следующий день пустили по восстановленному мосту поезд. Воспоминание об этой стремительной ремонтной операции почему-то крепко-накрепко засело в памяти мальчика, наблюдавшего, как долго-предолго велось строительство подобных инженерных сооружений в довоенное время.

текст
Марк Меерович

> На лыжах. В центре Евгений Пхор, справа Нина и Владимир Бух

> В мастерской

Возможно, стремление придать среде обитания максимальный комфорт, всеми доступными средствами улучшить ее качества и проросли позднее в осознанное стремление Володи получить специальность, стоявшую на первом месте в непростом деле формирования новых, более совершенных пространственно-функциональных форм реализации жизнедеятельности. С 1953-го по 1959 год он учится на архитектурном

факультете Киевского инженерно-строительного института. Потом год по распределению работает в Томске – сначала архитектором, а затем и старшим архитектором. В 1960-м архитектор (бывший однокурсник) Станислав Нечволодов перетягивает его в Иркутский Горстройпроект, преобразованный впоследствии (в 1964 г.) в Иркутскгражданпроект. Перебравшись в Иркутск, Владимир Федорович за 17 лет трудовой деятельности поднимается по всем ступеням профессионального роста в стенах этого крупнейшего в Восточной Сибири института гражданского проектирования: архитектор – руководитель группы – главный архитектор проектов – начальник мастерской – главный архитектор (главный инженер). А потом, более десятка лет (1977–1989) Владимир Федорович – главный архитектор города Иркутска.

Развитие архитектуры, как и любой области технического творчества, строится на смелости принимать нестандартные, никем пока еще не испробованные решения. На смелости отстаивать их, рискуя потерять свое реноме. На смелости нести персональную ответственность за обещанный результат. Однако в советских условиях вести себя подобным образом было чрезвычайно рискованным делом. Для воплощения нестандартных решений нужны были: высокое административное положение; отчаянное бесстрашие, граничащее с безрассудством; железная воля, чтобы, несмотря на все препоны, «продать» реализацию инновационных проектов; хитрость, чтобы убеждать всех заинтересованных и обладающих властью лиц до тех пор, пока успешность инициативы не станет очевидной.

В СССР выбор фундаментального содержания архитектуры – характер планировочной структуры населенного места, формирования системы общественных пространств, определение функционального состава и планировки квартир и домов, установление количества квадратных метров жилья, предназначенных для заселения отдельному человеку или семье (т. е. типология жилья), решение по поводу стилистики жилища и прочего фактически всегда находились вне компетенции

< Встреча Нового года.
1960-е

архитекторов. Они лимитировались стоимостью квадратного метра жилья, ограничениями на использование определенных видов строительных материалов и конструкций, предписаниями обязательного применения изделий местной базы стройиндустрии и т. п.

Все базовое содержание советской архитектуры и градостроительства спускалось проектировщикам уже в готовом виде центральными инстанциями – через нормативы, формулы расчета численности населения, показатели баланса территории, обязательное испол-

зование типовых проектов. Архитекторы-планировщики становились заложниками этой ситуации. От них требовали качественного выполнения проектных задач в условиях, когда сделать это было практически невозможно. А после проработки множества вариантов и постоянных переделок, бессонных ночей и споров с коллегами им все же удавалось найти приемлемое решение, оказывалось, что до конца – последовательно и полностью – его никто и не собирался воплощать. Градостроительная документация вместо функции быть

< Люциан Антипин,
Владимир Бух,
Валерий Лениш,
Вячеслав Воронежский,
Анна Филиппова, Елена
Варшавская (Измайлова),
Нина Шуликова, Нина Бух,
Николай (?) Смирнов

^ Зимний Байкал. На фото Леонид Латышев, Владимир Колпиков, Марина Александрова (Москва), Владимир Бух, Тамара Тудакова, Алла Усова и Станислав Нечволодов

v В. Бух и В. Павлов угощают немецкого гостя Йёхана Бейхоля зимней рыбалкой на Байкале

неукоснительным регулятором ведомственных и муниципальных строительных программ фактически выполняла лишь задачу быть средством «градостроительного оформления» уже принятых властью социально-политических, индустриальных, технических, финансово-экономических и прочих решений.

Тогда и возникла ситуация, в которой архитекторы либо смирились, молчаливо принимая «правила игры» с властью в якобы «...свободное творчество советского архитектора, направленное на всемерное повышение благосостояния советского народа и на улучшение среды его обитания...», либо проявляли ту самую смелость, которая помогала пробивать, отстаивать на всех уровнях собственные решения, идя на конфликт с властями (а подчас даже вводя их в заблуждение фиктивными расчетами экономической эффективности), но создавая, в конечном счете, Архитектуру.

В этих условиях не иначе как сама Судьба собрала в одном месте неординарных людей, сформировала из них команду, распределила роли, среди которых Владимиру Федоровичу была уготована миссия «администратора» – главного инженера института, главного архитектора города. И он честно использовал свое высокое административное положение – служил профессии, а не власти. Такого умного и честного главного архитектора города, как В. Ф. Бух, Иркутск никогда не имел. Он требовал от коллег ответственного отношения к принимаемым ими профессиональным решениям, прикрывал эти решения политически, отстаивал вместе с ними в высоких инстанциях в Москве те проекты, которые не следовали слепо указаниям свыше, а исходили из здравого смысла, реалий жизни, задач подлинного улучшения качества среды обитания. Он сделал невероятно много для появления качественной, первоклассной архитектуры, для развития города в правильном, прогрессивном направлении.

В этой миссии проявлялись и его бесстрашие, и его железная воля. Как результат – в Иркутске и городах региона возникали объекты, которые на многие десятки лет опережали общегосударственный уровень общепринятых проектных решений, «перескакивали

< Арзг Демирханов, Владимир Павлов и Владимир Бух на зональном семинаре в Иркутске

через свое время», создавали архитектуру и городскую среду, в которых было комфортно и радостно жить.

В 1966 году Владимир Федорович вступает в члены Иркутской организации Союза архитекторов, а с 1973-го становится членом ее правления, бессменно неся эту нагрузку на протяжении 35 лет (до 2008 года). Все время своего участия в деятельности Иркутской организации Союза архитекторов он был ее совестью, так как Архитектура и Градостроительство были для него превыше личной корысти. Именно поэтому он был избран председателем комиссии по этике Иркутской

организации Союза архитекторов России (с 2000 по 2004-й), а затем с 2004 по 2008 год являлся членом Коллегии по этике СА России.

Любые решения Владимир Федорович принимал молчаливо и долго, неторопливо обдумывая детали, взвешивая все нюансы и предпосылки, обстоятельно (со стороны это было отчетливо видно) соразмеряя и перепроверяя что-то глубоко внутри себя. Наверное, эта черта присуща всему тому поколению, которое, с одной стороны было приучено советской системой – не болтать лишнего, а с другой – родительским воспи-

< Расколотка – фирменное блюдо Буха

танием к твердости данного слова: «Давши слово – держись, а не давши – крепись!» Я и сам много раз слышал подобное от своей бабушки, терпеливо разъяснявшей мне, что нужно стараться не ронять слова попусту, крепиться, держать свои решения в себе, не трубить о них парадно на каждом углу. Ну а уж если промолвил, произнес вслух, пообещал – держись изо всех сил, чтобы исполнить. Поколение родителей В. Ф. Буха и моей бабушки – это одно и то же поколение, и оно было именно таким.

После того как решение принято, Владимир Федорович так же неторопливо произносил его вслух

и... все – он уже никогда не отступал от внутренне выверенного и произнесенного вслух и шел до конца, воплощая сказанное. Вообще неторопливость, медлительная рассудительность, размеренность, взвешенность – те самые черты, которые были органически присущи его натуре. Владимир Федорович не был самонадеянным. Он был как «мягкая скала» – странное противоречивое ощущение. Никогда не впадал в административный кураж – не орал на подчиненных, не доказывал на повышенных тонах свою точку зрения... Он всегда как-то расслабленно и даже несколько отстраненно сидел и слушал... Обидные слова и

^ > В день рождения Люциана Антипина 10 августа уже несколько лет выездная редколлегия ПБ проходит у именинника на даче

< Лето 2013, иркутский Дом архитектора. Елена Григорьева и Владимир Бух работают над книгой «Владимир Павлов»

поступки, так остро задевавшие единомышленников В. Буха и абсолютно неверные с его точки зрения, чья-то непорядочность, провоцирующая бурные негативные реакции его коллег, – все негативное – как-то мягко «шлепалось» об него и угасало, не причиняя (как казалось) явного вреда его психике. Никакие неверные, подчас даже оскорбительные для него слова не могли ни поколебать, ни вывести его из себя; никакие внешние агрессивные нападки не способны были ни испугать его, ни тем более заставить отказаться от принятого внутреннего решения. Когда он что-либо решал – он шел до конца.

Журнал «Проект Байкал», в создании которого он принимал самое живое и непосредственное участие как организатор и первый главный редактор, все последнее десятилетие был одним из его любимых начинаний. Но Владимир Федорович был каким-то «неправильным» редактором. «Правильный» редактор как хороший кладовщик – шустро проверяет комплектность, быстренько подчищает загрязнившиеся места, аккуратно раскладывает вещи по своим полочкам. Владимир Федорович так не мог; он не воспринимал журнал как «склад» текстов. Он был неспособен оставаться равнодушным к тому, что попадало в его руки и к чьей судьбе он становился причастен. В. Бух обязательно вступал в острое соприкосновение с теми статьями, которые он читал, редактировал и которым давал добро на публикацию. Он как бы «влипал» в них, проваливался в их содержание. Он страдал и сопереживал, задавал авторам бесконечные уточняющие вопросы, упрямо спорил с ними, не соглашаясь с их точкой зрения, и даже пытался переубедить их... Иначе он не мог. Редчайшее умение профессионала высокого класса «отождествить» себя с объектом проектирования отличало не только его архитектурную практику, но и работу Владимира Федоровича как редактора, позволяя ему проникать в смысл и дух предложенных к публикации статей. Изданный журнал был подобен спроектированному им и построенному под его присмотром объекту: это выстраданный и предъявленный вовне образ его самого.

В.Ф. Бух был «человеком порядка». Порядок царствовал в его бумагах, его делах, его поступках. На праздничном столе все обязательно должно было быть красиво расставленным, красиво нарезанным, красиво оформленным. Не начинать застолья, пока абсолютно все не соберется за столом или пикниковой посиделкой, – эта воспитанность желаний также была его характерной чертой, поведенческим постулатом. Он очень любил слушать хорошее исполнение песен, отдаваясь этому полностью; не пел сам, но всем существом погружался в мелодию и смысл слов. В эти минуты его охватывало трогательное умиротворение, видимое и в выражении его лица, и в расслабленности тела, и в явственно ощущаемой погруженности куда-то глубоко внутрь себя...

Он был мудрецом: его профессиональные и личные оценки опирались на глубочайший творческий и жизненный опыт, зачастую оказываясь абсолютно верными.

Он остро переживал планировочные ошибки решений, которые принимались городской администрацией в постперестроечный период. Решений, перечеркивавших и уничтожавших идеи, за долгие годы до этого заложенных в генплан Иркутска. Реалии градостроительной политики 1990–2000 годов делали очевидным для В. Буха и всех нас, что инвесторам не нужны дешевые решения; напротив, нужны решения дорогие, ибо «коэффициент прилипания» позволяет им в этом случае наживаться в значительно более крупных размерах. Оказались не нужны проекты, улучшающие качество среды, так как строящиеся объекты являются не более чем «товаром на продажу». Не нужны новые архитектурные образы, поскольку успешность проектировщиков и строителей поκειται не столько на креативности и целостном градостроительном мышлении, а на совершенно иных основаниях – праве входить в нужные кабинеты, встраиваться в систему «откатов», включиться в кланово-мафиозный истеблишмент.

Во Владимире Федоровиче не ощущалась внутренняя сосредоточенность, хотя она была его естественным состоянием. Не ощущалась нервозность, хотя он

^ Юрий Бержинский, Владимир Бух и Люциан Антипин вспоминают о 60-х. Последняя встреча в иркутском Доме архитектора на редакции ПБ 11 сентября 2013 г.

очень остро переживал несправедливость, подлость, наглость. Сильнейшим потрясением для него стало уничтожение самого знаменитого творения В. А. Павлова, самой главной, самой яркой «архитектурной визитной карточки» Иркутска – Дома на ногах. Для него это событие явилось последним сигналом того, что городским властям не нужны ни Архитектура, ни Градоустройство, что муниципальные лидеры лишь цинично пользуются архитекторов (их идеи, проекты, инициативы) как средство достижения своих коммерческих интересов – для запуска очередной коррупционной схемы, позволяющей на вполне законных основаниях переложить деньги из государственного бюджета в свой собственный карман. После варварского сноса Дома на ногах он вышел из состава правления Иркутской организации Союза архитекторов и в дальнейшем категорически отвергал все попытки руководства ИРО САР представить его к каким-либо государственным наградам.

Он любил жизнь. Любил ходить в походы. Был заядлым охотником и рыбоводом. Обожал общество

умных, веселых и открытых людей. Любил вкусно поесть – не торопясь, обстоятельно, приготовив своими руками что-нибудь совсем простое по составу, но необычное и даже изысканное по вкусу. Он был душой любой компании и до самых последних своих дней оставался очень азартным, молодым – загорался новыми красивыми идеями, радовался неординарным мыслям, всегда готов был помочь любому, кто в этом нуждался, своими советами...

И вот он ушел. Сердце не выдержало...

Ушел из жизни человек, который на протяжении многих лет для иркутских архитекторов был образцом профессиональной честности и принципиальности. Образцом ответственного принятия прогрессивных проектных, планировочных решений и, что самое важное, – мужественной и твердой защиты этих решений во всех инстанциях. Имя Владимира Федоровича Буха давно и навечно вписано в историю сибирской архитектуры, в историю иркутской архитектурной школы. Но нестерпимо горько осознавать, что теперь оно будет существовать в нашей памяти уже посмертно...

v Владимир Федорович – один из самых блестящих игроков бильярдного клуба архитекторов Иркутска